

УДК 323.1

ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В РЕГИОНАХ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РЕСУРСНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ, ОБЩЕСТВЕННЫЙ ЗАПРОС И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ОГРАНИЧЕНИЯ¹

Надежда Владимировна Борисова

к.полит.н., доцент, декан историко-политологического факультета

Пермский государственный национальный исследовательский университет

614990 Пермь, ул. Букирева, 15. borisova_nv@psu.ru

Восприятие носителями языка его статуса, а также политика в отношении поддержки или запрета на использование языка в публичной и частной жизни усиливают существующие или запускают новые социально-политические расколы, а также стимулируют этнополитическую конфликтность, угрожая тем самым территориальной целостности государства. Принятие решений в отношении статуса языка этнических меньшинств и возможностей его использования в публичной сфере обусловлено как общероссийскими тенденциями, так и региональными особенностями практик защиты языков. Исследование позволило установить, что региональная вариативность языковой политики в России обусловлена не только структурными особенностями сообщества, но и конфигурацией акторов, наборов их ресурсов и стимулов, связанных с индивидуальным восприятием своего права на родной язык

Ключевые слова: языковая политика; родной язык; регионы России.

Конструктивизм позволяет рассматривать различные измерения языковой политики: обуславливающие ее факторы, ее субъектный состав, ее символический или прагматический характер, а также инструментальное значение для решения иных политических проблем, в том числе сопряженных с задачами поддержания территориальной целостности, строительства нации, защиты прав этноязыковых меньшинств. Американский политолог и социолингвист Э. Лю, рассматривая в своей работе, посвященной языковым режимам, язык в качестве источника национального единства, видит в языковой политике инструмент конструирования политического сообщества – нации [Liu 2015]. Идея о значимости языка в процессе нациестроительства и формирования гражданской нации, так или иначе восходящая к идеям Б. Андерсона [Андерсон 2016], находит отражение в работах и других авторов. В частности, С. Райт рассматривает язык и как условие, и как элемент появления и развития национальных государств [Wright 2015]. Конструктивисты обычно обсуждают интегративную функцию языковой политики. Однако важной в политическом отношении является и фрагментирующая общество роль языка и языковой политики. Имеются в виду те общества, члены которых в качестве значимого в повседневных коммуникативных практиках признают язык, отличный от языка большинства

и/или иных групп. Язык, будучи маркером этничности и инструментом идентичности его носителей, объективно фрагментирует общество. В свою очередь то, как его носители воспринимают его статус, а также политика в отношении поддержки или запрета на использование языка в публичной и частной жизни усиливают существующие или обуславливают новые социально-политические расколы, а также стимулируют этнополитическую конфликтность, угрожая тем самым территориальной целостности государства.

В этом контексте возникают вопросы о том, что обуславливает содержание и изменение языковой политики, обстоятельства какого порядка стимулируют ситуации расколов и этнополитическую мобилизацию? Эти вопросы релевантны для разных стран современного мира, в том числе и для России, этнолингвистический профиль которой сложен и сопряжен с системой федерации как формы административно-территориального устройства.

В рамках реализации исследовательского проекта РФФИ «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах» (№ 18-011-00763 а) были проведены научные экспедиции: летом 2018 г. в Пермском крае в территориях, где компактно проживают носители татарского, башкирского, удмуртского и марийского языков; весной 2019 г. в Республике Удмуртия;

осенью 2019 г. в Татарстане; летом 2020 г. в Башкортостане; осенью 2020 в Коми-Пермяцком округе, входящем в состав Пермского края. Кроме того, осенью 2020 г. были проведены скайп-интервью с экспертами и активистами, специализирующимися на региональной политике и этнополитической проблематике в Республике Башкортостан. Всего собрано 42 интервью и бесед. Экспертами, информантами и респондентами стали:

- 1) работники региональных и местных органов власти, включенные в принятие и реализацию языковой политики на региональном и местном уровнях власти»;
- 2) директора, методисты школ, учителя родного языка;
- 3) руководители и сотрудники методических объединений/департаментов в региональных институтах повышения квалификации учителей, курирующие вопросы разработки, внедрения и адаптации учебников и учебных пособий по родному языку;
- 4) руководители и работники домов культуры и творчества, музеев в территориях с компактным проживанием этнических групп;
- 5) лидеры этнических неправительственных организаций;
- 6) журналисты и гражданские активисты вовлеченные в обсуждение вопросов о родных языках и языковых правах в современной России;
- 7) сотрудники вузов и научных институтов, специализирующиеся на вопросах языковой политики и этнополитических конфликтах.

Эмпирическую основу исследования составили данные, включенные в БД «Языковые меньшинства и языковая политика в регионах России», где единицей наблюдения является «языковое меньшинство – регион». В настоящем исследовании к языковым меньшинствам (в отношении которых осуществляется наблюдение) отнесены этнолингвистические группы (за исключением русских), которые были выделены во Всероссийской переписи населения 2010 г. (Всероссийская перепись населения 2010: электр. ресурс) Речь идет о меньшинствах, которые согласно методологии Переписи отнесены к категории «наиболее многочисленных национальностей» (критерий – не менее 0,3% от числа жителей региона, указавших национальную принадлежность). Всего база содержит 589 единицы наблюдения. База включает 9 секций:

- 1) «Демографические характеристики»,
- 2) «Локализация языковых меньшинств в физическом пространстве региона»,
- 3) «Статус языковых меньшинств»,
- 4) «Законы о языке субъектов РФ»,

- 5) «Государственные программы субъектов РФ в сфере политики в отношении языковых меньшинств»,
- 6) «Этнические НКО, СМИ и участие языковых меньшинств в КСО»²,
- 7) «Изучение языков меньшинств в средней общеобразовательной школе»,
- 8) «Языки меньшинств в медиа-повестке»,
- 9) «Судебная практика в сфере языковых прав меньшинств».

Выделение двух периодов в случае сбора данных для восьмой и девятой секций (до и после 2017 г.) обусловлено учитываемым в соответствии с исследовательским дизайном представлением о «критическом моменте», который рассматривается как ключевой для изменения языковой политики, реализуемой государством. Речь идет о таких возможных изменениях, как направленность и масштаб языкового регулирования, смена субъектов и бенефициаров языковой политики, практики их взаимоотношений. С. Зоннтаг и Л. Кардинал предлагают идею «критического момента» – ключевого события, которое меняет государственную традицию в реализации языковой политики [Cardinal, Sonntag 2015], однако они не ставят вопрос о взаимосвязи содержания языковой политики, спроса на нее и сложившиеся/меняющиеся в сообществе и его сегментах практики использования языка(-ов). Использование модели агентских факторов языковой политики К. Уильямса [Williams 2008, 2013], концепции «критического момента» С. Зоннтаг и Л. Кардинал и концепта «политика языка» Н. Мухарямова [Мухарямов 2017] позволяют рассматривать обусловленность характера и результатов языковой политики как политического курса и набора мероприятий (language policy) политической борьбой за язык (language politics), которую актуализирует/запускает определенное событие. Понимание взаимосвязи «политики языка» и «языковой политики» позволяет характеризовать обуславливающие их агентские факторы: субъектный состав, ресурсы, коалиции, их связь с группами поддержки, публичный запрос/требование языковой политики.

В настоящем исследовании в качестве такого критического момента понимается событие, произошедшее летом 2017 г. Выступая 20 июля 2017 г. на совещании Совета по межнациональным отношениям в Йошкар-Оле Президент РФ, заявил: «...Русский язык ничем заменить нельзя. Он естественный духовный каркас всей нашей многонациональной страны... Языки народов России – неотъемлемая часть самобытной культуры народов России. Изучать эти языки – гарантированное Конституцией право, право доб-

ровольное. Заставлять человека учить язык, который для него родным не является, также недопустимо, как снижать уровень и время преподавания русского языка» (Владимир Путин... 2017: электр. ресурс). Менее чем через полтора месяца, 31 августа 2020 г., Генеральная прокуратура РФ совместно с Рособрнадзором начала в регионах и на муниципальном уровне проверку соблюдения законодательства об обеспечении прав граждан на добровольное изучение родного языка из числа языков народов России и государственных языков республик, которую завершила к 30 ноября того же года (Анализ языковой ситуации в республике Татарстан: электр. ресурс). Выписанные в ходе проверки предписания запустили масштабную и оперативную работу по изменению учебных планов в части выделения часов на родной язык в тех регионах и территориях, в которых работают школы с обучением или преподаванием языков народов России.

В постсоветской России вопрос о языках хотя и был политически значим для регионов, особенно этнических республик и автономных округов, но едва ли можно считать, что этот вопрос был частью федеральной повестки. На протяжении долгого времени это была, скорее, вотчина региональных властей, куда федеральный центр особо не вмешивался, о чем косвенно свидетельствует, во-первых, разнообразие в практиках и масштабах нормативного регулирования использования родных языков народов России. Собранные количественные данные показывают, что только в 20 республиках из 22 были приняты законы о языках; в одной (Северная Осетия – Алания) дело не сдвинулось дальше обсуждения проекта регионального закона о языке, а в мультиэтничном Дагестане рабочим нормативно-правовым регулятором практик использования языков в публичной сфере фактически является региональный закон об образовании (Закон республики Дагестан... 2014: электр. ресурс). Ни в одном из автономных округов таких законов нет, и только два из образованных в результате объединений областей и автономных округов региона – Камчатский и Красноярский края – приняли такие законы. Примечательно, что в Пермском крае обсуждение необходимости принятия такого закона в контексте объединения Коми-Пермяцкого автономного округа и Пермской области не нашло поддержки со стороны региональных властей, хотя в Коми-Пермяцком округе идея регионального закона о языке рассматривается членами окружных элит, интеллигенцией, журналистами как достойная воплощения (Серия экспертных интервью: Коми-Пермяцкий округ 2020). Сравнение содержания региональных за-

конов о языке, образовательных программ начального и среднего образования, учебных планов, а также данных экспертных интервью свидетельствуют о значительной вариативности механизмов поддержки и продвижения, сохранения языков народов России на региональном уровне. Различия выявлено между этническими республиками и, например, областями. Методы описательной статистики свидетельствуют о том, что именно в этнических республиках есть сильная взаимосвязь между практиками изучения языка и долей СМИ, зарегистрированных как имеющие право работать, используя родной язык(и), упоминаемый(е) в региональном законе о языках. Конечно, это свидетельствует о факторе «титულიности», как позитивно влияющем на использование языка в сфере образования и СМИ.

Анализ региональных госпрограмм и данные экспертных интервью позволяют охарактеризовать существующие практики принятия решений и реализация языковой политики в регионах России в условиях, когда политический вес и возможности федерального центра значительно превышают возможности, которыми обладают иные участники языковой политики. Речь идет о разнообразных силовых, нормативных и даже символических ресурсах федерального центра: прокурорских проверках, установлении единых государственных образовательных стандартов, внесении в текст федеральной конституции норм о роли и позиции русского языка, президентском дискурсе о значимости русского языка как нациообразующего и языка межнационального общения. Политико-институциональный контекст взаимодействия регионов и региональных элит с федеральными властями отличает постепенное сужение и даже сокращение в 2000–2010-х гг. арен свободной конкуренции, что, конечно, проявляется в большей степени в электоральной и партийной политике. Однако означает ли это, что события 2017 г. не имели эффекта этнополитической мобилизации?

Запущенные заявлением В.В. Путина прокурорские проверки на местах следует рассматривать как характерное для современной России рутинизированное административное регулирование, которое в ситуациях роста напряжений в отношениях между региональными и федеральными элитами приобретает политико-символический характер. Организация и проведение такого рода проверок формально свидетельствуют о практиках унификации политического администрирования разнообразных сфер и вопросов, в том числе и вопросов о праве на изучение родного языка этническими меньшинствами.

Каким было обсуждение вопроса о родных языках в 2017–2018 гг.? В Республике Удмуртия и Пермском крае сколько-нибудь последовательной публичной реакции региональных властей и элит на действия федерального центра в указанный период не было. В случае Пермского края это ожидаемо: регион не является этнической республикой с титульной этнической группой. При этом Коми-Пермяцкий округ и его элиты после объединения с Пермской областью в 2005 г. фактически утратили сколько-нибудь значимую политическую субъектность, которая до этого обеспечивалась как минимум публично-правовым статусом округа как автономного в составе РФ. В Прикамье даже не актуализировалась, казалась бы ожидаемая, дискуссия о необходимости регионального закона о языке. Если в среде специалистов по коми-пермяцкому языку этот вопрос и обсуждается, то, например, наши информанты в Куединском районе, Барде, Кунгурском районе и даже в Кудымкаре не только не упоминают эту инициативу, но даже не рассматривают принятие закона о языке в качестве потенциальной возможности политико-институциональной поддержки языков народов Прикамья в целом и их родных языков в частности.

В свою очередь эксперты в интервью указывают на то, что для публичного дискурса руководства Удмуртии вопрос о статусе удмуртского языка носит периферийный характер. Они объясняют «публичное невнимание» республиканских властей к вопросу о языке и о языковой политике фактором «варягов» (Серия экспертных интервью: Удмуртия 2019). Речь идет о длительной для республики практике административных назначений выходцев из Москвы и, как следствие, рекрутирования региональной элиты за ее пределами. Республиканское руководство, по словам одного из наших респондентов, «молчаливо согласилось и не роптало» в ситуации, когда федеральный центр вмешался в вопрос о языке.

Иначе выглядит позиция республиканских властей и публичные споры в Татарстане и Башкортостане. Прежде чем охарактеризовать их, следует прокомментировать особенности этнолингвистической структуры общества этих двух республик. В соответствии с данными Всероссийской переписи населения 2010 г. (Всероссийская перепись населения 2010: электр. ресурс) этническую структуру населения Башкортостана отличает наличие трех относительно равновеликих группы: башкиры (29%), татары (25%) и русские (36%). При этом этническая структура не в полной мере совпадает с языковой. Оставляя за скобками вопрос об эффектах русификации в

этнических республиках еще в советское время, в случае Башкортостана следует отдельно подчеркнуть, что часть башкир, проживающих преимущественно в западной части республики, отождествляют свой язык как татарский. И. Габдрафиков отмечает, что по данным переписи 1926 г. доля татароязычных башкир в Башкирии составляла порядка 45%; в результате как русификации, так и целенаправленной политики по «приписыванию» «сейчас таковых – одна треть (31–33%)» (Башкирский этнополитолог 2020: электр. ресурс). По оценкам экспертов, для Башкортостана с позднесоветских времен характерно противостояние не только по линии защиты башкирами своего языка по отношению к русскому, но и в отношении татарского, равно как и носителей татарского по отношению к башкирскому (Серия экспертных интервью: Татарстан 2019; Серия экспертных интервью: Башкортостан 2020).

Этническая структура Татарстана принципиально другая: татары составляют 53% от населения региона, а второй по численности группой являются русские, составляя порядка 40% от всего населения (Всероссийская перепись населения 2010). Татары в Татарстане, в отличие от удмуртов в Удмуртии и башкир в Башкортостане являются не только титульной группой, но и доминируют в структуре населения, что структурно усиливает их возможности в определении содержания и направленности языковой политики в регионе. В исследовательской литературе, посвященной обсуждению факторов, обуславливающих преференциальный характер языковой политики, доказана значимость этнолингвистической структуры общества: чем больше доля группы, тем выше вероятность ее признания и наделения преференциями в области использования языка в публичной сфере [Борисова 2017; Liu 2015]. Этот фактор, наряду с другими, повлиял на разность стратегий региональных элит после события лета 2017 г. и динамику языкового конфликта, как с точки зрения его внутренне-го содержания, так и в разрезе отношений с федеральным центром. Президент Республики Татарстан Р. Минниханов после выступления Президента В.В. Путина и начала прокурорских проверок публично не высказывался почти три месяца. Контекстом его публичного молчания были споры татарстанских властей с федеральным центром о пролонгации договора республики Татарстан с Российской Федерацией. Тогда, в летние месяцы 2017 г., публично развернулась дискуссия о необходимости продления действия соглашения. В августе 2017 г. первый замглавы Администрации Президента РФ С. Кириенко в

интервью Информационному агентству «Интерфакс» заявил, что время этого договора ушло: «Как антикризисная мера 90-х годов, договоры имели серьезное значение и, действительно, сыграли важнейшую роль. Но, конечно, российская государственность, государство построено не по договорному типу. <...> Все уже определено, соглашение истекло» (*Кремль...* 2017: электр. ресурс). Отказ Кремля пролонгировать договор, заключенный и подписанный в 1994 г. на двух языках (русском и татарском) и пролонгированный в 2007 г., нарушил поддерживаемый в путинский период status quo в части отношений между республикой и федеральным центром не в пользу первой. После проведенных проверок 16 октября 2017 г. прокуратура Республики Татарстан вынесла предписание об исключении предметов «татарский язык» и «литературное чтение на татарском языке» из обязательной части учебных планов всех средних учебных заведений республики. В соответствии с предписанием руководство школ приступило к изменению учебных планов. При этом, по-видимому, параллельно с проверкой и в ожидании содержания предписания в республиканском Минобрнауки были подготовлены методические рекомендации к изменению учебных планов. В соответствии с ними татарский язык вошел в раздел «Родной язык»; на него были выделены 2–3 учебных часа в неделю. Для сравнения: в предыдущей версии примерного учебного плана на татарский язык приходилось 5–6 часов в неделю [Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан: электр. ресурс]. И только после этого Р. Минниханов публично высказался по поводу данной проблемы. Прямым адресатом его сообщения осенью 2017 было региональное сообщество: «...Нами принято решение, что ни один учитель татарского языка в период учебного года не будет уволен. Люди должны быть спокойны, в школах должно быть спокойно...» (Минниханов 2017: электр. ресурс). Это косвенно свидетельствует о том, что региональные власти не стремились актуализировать спор с Москвой, при этом для них было важно обеспечить лояльность и поддержку со стороны татарстанского сообщества в целом и пронационалистически настроенных его сегментов в частности. Двадцать шестого октября 2017 г. Р. Минниханов заявил, что недопустимо «оказывать давление на директоров школ перед выборами президента России в 2018 году... и попросил прокуроров “не затрагивать учебный процесс”» (Рустам Минниханов о проверках татарского языка: электр. ресурс). Он фактически призвал не допускать разделение татарстанского общества по вопросу о языке. Од-

нако спустя неделю республиканская прокуратура заявила, что принцип добровольности изучения родного языка в Татарстане не соблюдается: речь шла прежде всего о процедурах принятия решения участниками образовательного процесса о выборе языка. На заседании Госсовета Республики Татарстан Р. Минниханов поспешил заявить, что «переговоры с Администрацией Президента РФ и федеральным Минобрнауки “продолжаются” и они идут вокруг 2 учебных часов в неделю обязательного для всех учащихся татарского языка» (Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан: электр. ресурс). Результатом «договоренностей» стало возвращение в полном объеме преподавания русского языка, отмена обязательного экзамена по татарскому языку в 9 классе, а изучение татарского языка было приравнено к изучению любого другого этнического языка и в соответствии с федеральным государственным образовательным стандартом (ФГОС) было организовано по выбору/заявлению учащихся в лице их родителей как изучение родного языка. На этот предмет было выделено (на усмотрение образовательной организации) 2–3 часа в неделю. Такое решение, однако, вызвало «проблему “лишних” учителей, прежде всего, татарского языка, их переобучения и спасения от увольнений» (Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан: электр. ресурс). При этом следует отметить, что в данной ситуации ситуации «в проигрыше» оказался татарский язык и сторонники его обязательного изучения в школе как маркера специального (государственного) статуса, с одной стороны, и потенциального инструмента «создания татарстанской нации», с другой (Серия экспертных интервью: Татарстан 2019; Серия экспертных интервью: Башкортостан 2020).

В Башкортостане ситуация развивалась иначе. История введения башкирского языка в качестве обязательного предмета в школьные программы была длительной и крайне конфликтной. Первая попытка была в 1993 г.: республиканское министерство образования попыталось ввести башкирский язык как обязательный в русскоязычных школах, в который обучались и русские, и татары, и представители других этнических групп. Это решение протестовали две общественные организации, представляющие интересы татар и русских – «Татарский общественный центр» и объединение «Русь». В результате общественного давления республиканские власти дали задний ход: приказ министерства был признан антиконституционным. Обоснованием этого решения стал следующий аргумент: башкирский язык не имеет статус государственного (в республике в

тот момент не было закона о языках), а значит, не может иметь преференции по отношению к другим языкам народов России (Серия экспертных интервью: Татарстан 2019).

В 1999 г. был принят закон о языках республики Башкортостан. В результате башкирский язык был введен в учебные планы как государственный; это сопровождалось постепенным вытеснением из учебных планов татарского языка, а в некоторых территориях западной части республики фактического закрытия татарских школ (Гарифуллин 2017: электр. ресурс). Это решение еще больше обострило ситуацию, усилив языковой конфликт между башкирами и татарами. Именно последние стали основным субъектом оспаривания решения республиканских властей по поводу языкового вопроса. Только после отставки с поста президента Республики М. Рахимова в 2010 г. было принято решение уменьшения количества часов на изучение башкирского языка как обязательного (государственного языка), что позволило вернуть татарский язык как предмет изучения в татарских школах.

В 2017 г. ситуация, сложившаяся в Башкортостане, была принципиально иной, нежели в Татарстане: башкирский как обязательный язык, будучи государственным, в небашкирских школах изучался в значительно меньшем объеме, по сравнению с татарским в нетатарских школах в Татарстане. Однако требования лидеров татарских общин и общественных организаций в Башкирии все так же включали вопрос о статусе татарского языка (Серия экспертных интервью: Башкортостан 2020). И. Гарифуллин отмечает, что «вопрос по изучению родных языков отдан на откуп муниципальным образованиям» (Гарифуллин 2017: электр. ресурс). Политические ресурсы региональных властей в 2017–2018 гг. в Башкортостане были ограничены по сравнению с ресурсами татарстанских властей. С одной стороны, значительно изменять учебные планы не пришлось: все было сделано за несколько лет до того. Эксперты в интервью даже указывают на то, что «в Башкортостане задолго до лета – осени 2017 “трехязычная формула” была введена: русский + башкирский как государственный (1–2 часа) + родной язык (на усмотрение участников образовательного процесса)». Однако это решение в качестве компромиссного вызывает сомнения. Во-первых, конфликтогенной была практика согласия на изучение родительского языка, а во-вторых, татарская и башкирская интеллигенция и лидеры общественного мнения воспринимали сложившуюся ситуацию как собственный проигрыш в логике «игры с нулевой суммой» (Серия экспертных интервью: Башкортостан 2020).

Федеральное вмешательство в вопрос о языке воспринималось и оценивалось на местах по-разному. В территориях Пермского края практически не было публичных споров и политических заявлений. Даже в Коми-Пермяцком округе радетели коми-пермяцкого языка воздерживались от каких бы то ни было деклараций, что, однако, не свидетельствует о позитивной оценке событий ими. Экспертные интервью и беседы с информантами в Кудымкаре, Кочевском и Косинском районах свидетельствуют о своего рода «молчаливом неприятии» ситуации, когда их родной язык не находит должной поддержки на государственном уровне. При этом только в лице региональных властей они видят основного «держателя ресурсов» и субъекта принятия решений о судьбе своего языка. Коридор возможностей, которые есть у них на местном уровне, рассматривается как узкий, а ресурсы – как минимальные.

А вот в этнических республиках – Удмуртии, Татарстане и Башкортостане – реакция и оценка событий была вариативной: от сопротивления и конфликтов до принятия спущенных сверху решений в логике «так должно быть». Экспертные интервью и беседы во всех четырех регионах позволили обнаружить, что на местах, в школах, достаточно сильным было опасение сокращения объема часов. Но сокращение там, где оно произошло, было разным. Например, в Пермском крае значительного уменьшения или увеличения часов, выделенных на предмет «родной язык» не произошло. Во-первых, в отличие от республик, в Пермском крае не работал фактор «государственный язык» и его изучение как обязательно. Во-вторых, важным в той ситуации был и остается до сих пор вопрос не о структуре учебного плана, а об учебно-методическом сопровождении преподавания родного языка и оплаты труда учителей родного языка. Дело в том, что проверку прокуратора проводила не только в части количества часов, выделяемых на предмет, но и в части учебно-методического обеспечения преподавания этого предмета, как того требовал ФГОС. И ситуация была (и остается для некоторых языков до сих пор) таковой, что отсутствуют учебники, признанные как соответствующие ФГОС. Процедура «признания», по оценкам экспертов, длительна и стоит дорого. Выход на местах был найден разный: где-то вместо учебников были разработаны и введены в учебный процесс учебно-методические пособия, не требующие «грифования». Где-то ожидали и получили учебники, разработанные в «родственной республике». Например, учебники татарского языка получили от Татарстана: региональный бюджет

выделил средства на их закупку. Но в сам момент проверок были случаи, когда учителям приходилось использовать в учебном процессе учебники (изданные много ранее, до вступления в действие ФГОС и не «грифованные») буквально «прятать под пол» (Серия экспертных интервью: Пермский край 2018), показывая те, которые соответствуют, но, например, их количества, имеющегося в школе, недостаточно. Такого рода примеры свидетельствуют, как представляется, о сбоях в практике организации учебно-методического обеспечения образовательного процесса.

Более важным в ситуации с преподаванием родного языка этнических групп в Пермском крае является организация оплаты труда учителей родного языка. На протяжении последних 10–15 лет были реализованы реформы по управлению и организации финансирования образовательных организаций: 1) введение новой системы оплаты труда педагогических работников, сопряженное с установлением подушевого финансирования школ; 2) укрупнение школ, включающее ликвидацию малокомплектных образовательных учреждений. Эти решения принимались и реализовывались в контексте выполнения майских указов Президента В.В. Путина о достижении уровня заработной платы учителей до средней по региону (Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597: электр. ресурс). В этой ситуации регионы и муниципалитеты в их составе самостоятельно принимали решения о том, выделять ли дополнительные средства на финансирование оплаты труда учителей родного языка.

В Пермском крае предмет «родной язык» в отличие от предмета «иностранный язык» не преподается в подгруппах. Это означает, что оплата труда учителей, преподающих, например, удмуртский или коми-пермяцкий язык, тарифицируется исходя из коэффициента, учитывающего численность детей в классе. Бюджет школ не предполагает «покрытие» разницы, а значит, в малокомплектных школах, в школах со смешанным этноязыковым составом классов и при условии соблюдения права детей выбора родного языка учителя этого предмета получают при том же количестве часов, что их коллеги, меньшую по размеру заработную плату. Для того чтобы увеличить доход, учителя ведут (при условии, что есть свободные часы) иные предметы – труд, ОБЖ, физкультуру, во-первых, а во-вторых, вынуждены вести язык одновременно у детей разных возрастов. Например, информант рассказывала, что в одной из коми-пермяцких школ в одном из классов у нее сидят дети из трех разных классов (Серия экспертных интервью: Коми-Пермяцкий округ 2020). Такое решение ситуа-

ции, безусловно, требует от учителя большего профессионального мастерства и готовности больше вкладываться в методическую работу. Это тем более сложно, когда в условиях русификации (влияние масс-медиа, интернета) все больше и чаще родители готовы отказаться от родного языка для своих детей, руководствуясь аргументами типа: «За пределами нашего мира кому нужен коми-пермяцкий язык?» (Серия экспертных интервью: Коми-Пермяцкий округ 2020). Родной язык символически проигрывает прагматическому интересу: сдавать ЕГЭ на русском, учиться в городе (например Перми) на русском, работать тоже можно, зная только русский. Полагаю, что для значительной части коми-пермяцкого населения Пермского края родной язык воспринимается как язык периферии. Безусловно, это предположение нуждается в эмпирическом подтверждении, например, с помощью опроса или изучения фокус-групп. Но примеры иных стран, например Уэльса в Великобритании, свидетельствуют о том, что в условиях структурной (отраслевой) разницы между центром и периферией (Коми-Пермяцкий округ вполне сравним в своем статусе периферии с Уэльсом по отношению к Англии) свой язык резиденты периферии склонны считать непрестижным [Борисова 2019]. Конечно, в коми-пермяцкой среде в территориях Пермского края есть радетели родного языка и культуры, а их представления о должном вполне сопоставимы по содержанию с тем, что желали и требовали валлийские активисты в период в 1960–90-х гг. Успех последних стал возможным в том числе благодаря структурным характеристикам партийной и электоральной политики – наличию этно-региональной партии вкупе с мажоритарной избирательной системой. В современной России, как известно, региональные партии не могут участвовать в выборах в федеральный и региональный парламенты и фактически запрещены.

В этнических республиках значимого изменения в части преподавания нетитульных для республик языков не произошло. Например, в Татарстане нетитульные (этнические) языки только выиграли. Во-первых, методисты и учителя родного языка нашли способ компенсации «выпавших» в результате выполнения предписаний республиканской прокуратуры часов за счет кружковой деятельности, которая обеспечивается требованиями ФГОС. Но ситуация все-таки различается, и это связано с контекстом и настроением местных властей и школьной общественности. Интервью и беседы позволяют считать, что по-разному распределились «победители» и «проигравшие» в пространстве регионов России.

Например, в Аксубаевском районе Татарстана в малокомплектной школе в среднем звене учатся 88 детей, из которых татары составляют 8%, чувашаи – 75% и русские – 17%. До решений лета-осени 2017 г. в учебном плане детей-татар на татарский было выделено 5 часов (3 часа татарского как родного языка и 2 часа татарского как государственного языка). Ученики-чувашаи кроме русского изучали 3 часа в неделю чувашский и 2 часа в неделю татарский как государственный. С осени 2017 г. в учебных планах стались 3 часа родного языка (чувашского или татарского). Ученики-чувашаи (или, например, удмурты, марийцы) не оказались ущемленными в своем праве изучать родной язык, поскольку количество часов не изменилось; высвободившиеся часы были отданы на русский (6 часов обязательно для всех). А вот ученики-татары по сравнению с предыдущим периодом изучают родной язык на 2 часа в неделю меньше. Таким образом, эффекты принятых решений в Татарстане оказались наиболее неблагоприятными для татарского как государственного языка, силы его политического статуса.

Выше отмечалось, что только в Башкортостане до 2017 г. была институционализована практика согласия родителей как законных представителей несовершеннолетних детей на изучение родного языка в качестве школьного предмета. Эта практика была так или иначе вынужденной: слишком сильным было сопротивление татарского сегмента башкортостанского общества. А вот в случае Удмуртии и особенно Татарстана эта новация оказалась критически важной. С осени 2017 г. получение согласия родителей на изучение родного языка в школе организовано в соответствии с официально установленной процедурой: перед началом учебного года родители первоклассников пишут заявление; обычно это происходит на собрании (классном или общешкольном). Информанты в интервью рассказывают о ситуациях, когда родители достаточно легко принимают решение и подписывают заявления. Где-то срабатывает убеждение и авторитет директора школы/завуча/классного руководителя, а где-то руководствуются логикой «мы учили, пусть и дети учат». Последнее, как показывают интервью, очень часто зависит от того, что «решение» о выборе языка принимает мать, которая, как правило, обеспечивает «сопровождение» ребенка в школе. Если мать владеет языком, то, как правило, делает выбор в его пользу. Именно в таких ситуациях срабатывает фактор восприятия родителями локальной и семейной перспективы и возможностей.

Эмпирическое исследование позволило обнаружить региональную вариативность реакции на

нормативные требования, касающиеся обязательного обеспечения права на изучение родного языка. Один из информантов в местной администрации одного из районов Татарстана на вопрос о том, а что будете делать, если родители детей-узбеков, количество которых в последнее время в районе растет, запросят организовать изучение их родного языка, ответила: «...Если запросят изучение узбекского языка, конечно, организуем. Этого же требует закон. Узбекская диаспора у нас в последние годы растет в численном отношении. И у нас в районе даже есть учитель, которая является носителем узбекского. Без проблем. Мы ее возьмем на работу. А что делать?». Подобные «рецепты» решения потенциальной проблемы в территориях Татарстана озвучивали и другие информанты. Но готовность решать и видеть разные варианты решения реальных и потенциальных проблем, возможно, зависят от удаленности от центра и региональной привязки. В первом случае речь идет о факторе географического расстояния: наши информанты в Агрызе или Аксубаево (удалены от Казани примерно на 350 и 200 км соответственно) менее свободны в выборе. И хотя их восприятие ситуации ограничено теми ресурсами, которые реально есть в их районе, у них есть четкое понимание, что все, что требует нормативно закон, будет обеспечено финансами из республиканской столицы, в том числе и работа учителя в малокомплектной школе с ученической группой в 10–15 человек. А вот в Удмуртии, равно как и территориях Пермского края, постоянно воспроизводится фрейм «обреченности и несвободы выбора»: наши информанты и респонденты в этих регионах нередко отвечали, что все важные вопросы «кто-то где-то решает», что «от нас ничего не зависит, мы реализуем, что скажут», что «вот в соседнем Татарстане учителя больше получают и учебники у них есть, и финансирование лучше» (Серия экспертных интервью: Пермский край 2018; Серия экспертных интервью: Удмуртия 2019; Серия экспертных интервью: Коми-Пермяцкий округ 2020).

Собранные эмпирические данные свидетельствуют о том, что даже в Татарстане все не так просто. Наши собеседники из всех четырех регионов отмечают, в последние полтора – два десятилетия значительно способствуют русификации масс-медиа и интернет: «Мультфильмы “Смешарики”, “Маша и медведь” дети же смотрят на русском...». Респонденты негативно оценивают устройство институтов социализации: «...В детский сад приходят чувашаи (удмурты/марийцы/татары/башкиры/коми-пермяки), а выходят русские...». В процессе рационализации в ходе

обсуждения этой проблемы наши информанты соглашались с тем, что русский в мультязычных территориях, безусловно, является *lingua franca*. А территории становятся все более мультязычными под влиянием различных процессов: миграционных обстоятельств (как, например, с узбеками в примере выше), изменения отраслевой специфики территории, административных решений по укрупнению школ и т. п.

* * *

Проведенное исследование показало эвристические возможности концепции «критического момента» для определения и характеристики динамики политики языка, которая в свою очередь оказывается значимой для переопределения языковой политики. Взаимосвязанность «политики языка» и «языковой политики» позволяет увидеть и охарактеризовать ее субъектный состав, используемые ресурсы, связь субъектов принятия решения с группами поддержки и их публичным запросом на изменения, новации или сохранение. Федеративное устройство России и наличие образованных по этноязыковому признаку субъектов и административных образований (республик, автономных округов и округов в составе краев и областей) является политико-институциональным контекстом процессов и практик принятия решений в сфере языковой политики в отношении этноязыковых меньшинств. При этом эта сфера оказывается ареной пересечения общероссийских трендов и особенностей региональной политической жизни, традиций и системы межэлитных отношений и клиентелистских практик на местном уровне. Региональная вариативность языковой политики обусловлена различным восприятием субъектами, агентами и бенефициарами языковой политики широты коридора возможностей. Как между регионами, так и внутри них (последнее особенно характерно для Татарстана) есть различия: широта коридора зависит так или иначе не только от позиций, усилий и интенций региональных элит, но и от того, как видятся на местах институциональные и ресурсные возможности обеспечения поддержки родного языка.

Примечания

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ, проект № 18-011-00763 «Языковые режимы в современной России: эффекты языковой преференциальной политики в полиэтнических регионах».

² НКО – некоммерческие организации; КСО – консультативно-совещательные органы.

Список источников

Анализ языковой ситуации в Республике Татарстан // Реальное Время: Общество [Электронный ресурс]. URL: <https://posredi.ru/analiz-jazykovoju-situacii-v-respublike-tatarstan.html> (дата обращения: 06.11.2019)

Башкирский этнополитолог: «Потихоньку идет переход на русский язык. Вот это проблема!» [Электронный ресурс] URL: <https://realnoevremya.ru/articles/175360-severo-zapadnyu-dialekt-bashkirskogo-ili-tatarskiy-yazyk> (дата обращения: 12.10.2020).

Владимир Путин в Йошкар-Оле провел заседание Совета по межнациональным отношениям // Официальный сайт «Первого канала»: Новости. 20.07.2017. [Электронный ресурс] URL: <https://www.1tv.ru/news/2017-07-20/329185-vladimir-putin-v-yoshkar-ole-provel-zasedanie-so-veta-po-mezhnatsionalnym-otnosheniyam> (дата обращения: 06.11.2019)

Всероссийская перепись населения 2010. [Электронный ресурс]. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/perepis2010/croc/perepis_itogi1612.htm (дата обращения: 20.07.2018)

Гарифуллин И. Башкирский язык. Что дальше? // *Idel.Реалии*. – 31.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idelreal.org/a/bashkirskiy-yazik-v-bashkortostane-2017/28706980.html> (дата обращения: 02.09.2020).

Закон Республики Дагестан «Об образовании в Республике Дагестан» от 16 июня 2014 года № 48 (с изменениями на 13 июля 2020 года). [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/412328744> (дата обращения: 11.10.2020)

Минниханов: уроки татарского языка останутся обязательными // *Русская служба BBCNews*. 8 ноября 2017. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-41904574> (дата обращения: 06.11.2019)

Кремль: договор с Татарстаном сыграл свою роль, но пролонгации его не будет // *pravda.ru*. 20.08.2017. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pravda.ru/news/politics/1346046-tatarstan> (дата обращения 12.10.2020).

Рустам Минниханов о проверках татарского языка: «Зачем директоров школ терроризировать?» // *Idel.Реалии*. 26 октября 2017 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.idelreal.org/a/rustam-minnikhanov-tatarskiy-yazik/28816845.html> (дата обращения: 06.11.2019)

Серия экспертных интервью: Башкортостан 2020. (Личный архив автора).

Серия экспертных интервью: Коми-Пермяцкий округ 2020. (Личный архив автора).

Серия экспертных интервью: Пермский край 2018. (Личный архив автора).

Серия экспертных интервью: Татарстан 2019. (Личный архив автора).

Серия экспертных интервью: Удмуртия 2019. (Личный архив автора).

Указ Президента РФ от 7 мая 2012 г. № 597 «О мероприятиях по реализации государственной социальной политики» // Гарант: информационное правовое обеспечение. [Электронный ресурс]. URL: <http://base.garant.ru/70170950> (дата обращения: 12.10.2020).

Список литературы

Андерсон Б. Воображаемые сообщества: Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В. Николаева; вступ. ст. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 416 с.

Борисова Н.В. Этнолингвистическая структура общества как фактор языковой преференциальной политики в Индии // Человек. Сообщество. Управление. 2017. № 2. С. 48–67.

Борисова Н.В. Борьба за язык и институционализация языковой преференциальной политики в Уэльсе // Современная Европа. 2019. № 2. С. 84–94.

Мухарямов Н.М. Политика языка и языковая политика // Идентичность: личность, общество, политика / редкол.: И.С. Семенов (отв. ред.), В.В. Лапкин, Е.В. Морозова, В.И. Пантин, И.Л. Прохоренко, Л.А. Фадеева. М.: Весь мир, 2017. С. 691–699.

Cardinal L., Sonntag S. State Traditions and Language Regimes: A Historical Institutionalism Approach to Language Policy // European and Regional Studies. 2015. № 8. P. 5–21.

Liu A. Standardizing Diversity: the Political Economy of Language Regimes. Philadelphia: University of Pennsylvania Press, 2015. 264 p.

Williams C.H. Language Policy and Planning Issues in Multicultural Societies // Williams C.H. Linguistic Minorities in Democratic Context. Palgrave Macmillan, 2008. P. 74–119.

Williams C. Perfidious Hope: The Legislative Turn // Regional and Federal Studies. 2013. V. 23. P. 101–122.

Wright S. What is Language? A Response to Philippe van Parijs. // Critical Review of International Social and Political Philosophy. 2015. № 18(2). P. 113–130.

LANGUAGE POLICY IN REGIONS OF MODERN RUSSIA: RESOURCE OPPORTUNITIES, PUBLIC DEMANDS AND POLITICAL LIMITS

Nadezhda V. Borisova

**Associate Professor, Dean of History and Political Sciences Faculty
Perm State University**

The factors that trigger new social and political divisions and stimulate ethno-political conflicts are the status of mother tongue and language policy which can support or prohibit language usage in public and private spheres. Making decisions regarding the status of an ethnic minority language is determined by both national trends and regional language protection practices. The paper reveals that not only ethnic community structure, but also configuration of actors, their resources and incentives associated with individual perception of their right to mother tongue determine regional variability of language policy in Russia.

Keywords: language policy; mother tongue; Russian regions.